

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Австралийские аборигены вправе обижаться на Владимира Высоцкого, заявившего в своей знаменитой песне, будто их предки убили и съели Джеймса Кука. Мало того, что великий мореплаватель был убит не в Австралии, а где-то на Гавайях, так его никто и не ел, все было куда проще: «Кому-то под руку попался камешка, метнул, гадюка, - и нету Кука». Есть разница? Есть, но Куку от этого не легче.

Вся эта путаница плюс несправедливость лишь подогревают наш интерес к стране, до которой и самолетом можно долететь, и доплыть пароходом. Что и сделали много лет назад супруги Елена Говор и Владимир Кабо. Сегодня Елена Викторовна Говор, историк и писатель, доктор философии, научный сотрудник Австралийского национального университета, специалист по истории русско-австралийских связей, - гость нашей рубрики. Соединил ее столичную Канберру с моей мичиганской деревней Walled Lake, как все уже догадались, трудяга Skype.

- Как вы там оказались, на самом краю географии?

- Австралия - это моя мечта, духовная родина, возможность уйти от лживой советской пропаганды, пьяных соседей, матерящихся мужиков, она захватила меня, когда я была подростком. Сначала бежала от всего этого в мир Александра Грина, позднее нашла книгу рассказов австралийских писателей. И поняла, что где-то на краю земли есть единственное место, где я хочу быть, где все по-другому - не в смысле экзотики, а в смысле человеческих отношений и возможностей. Детство мое прошло в Минске рядом с бабушкой, вдовой писателя Артема Веселого, его в 1937 году арестовали, в 1938-м расстреляли...

- А родители ваши?..

- Мама умерла в 1957 году, когда я только родилась. Жила я то с бабушкой, то с отцом. Он был журналистом, работал в газетах, в журналах, ездил по деревням, изучал белорусское народное творчество, собрал огромное количество ценного материала. Не в пример мужикам, которые вечерами, придя с работы домой, напивались, дубасили жен и заваливались спать, он большей частью лежал на тахте и писал неконформистский роман о постсталинской Беларуси. Писал без всякой надежды на публикацию. В мои 13-14 лет я была его единственным слушателем. Как сейчас помню: отец зовет меня к себе в комнату и вслух читает, я абсолютно ничего не понимаю, это не Грин, не Австралия, хотя чрезвычайно красиво. Однажды он принес домой радиоприемник, по которому можно было ловить короткие волны; ничего не объясняя про западные «голоса», просто их включил, и я весь день, пока что-то шила в его комнате, слушала новости. И поняла, что о политике можно говорить не так, как по советскому радио. Уже лет в 16 я начала самостоятельно слушать западные радиостанции.

- Молодым человеком я читал роман вашего деда Артема Веселого «Россия, кровью умытая», но и мечтать не мог, что когда-то буду говорить с внучкой знаменитого писателя. А вот вы в начале бе-

КОМУ В СТРАНЕ ДЕЛЬФИНИИ ЖИТЬ ХОРОШО

Елена ГОВОР: «Мы вышли из московской квартиры и не вернулись...»

седы упомянули о своей мечте...

- Она сбывалась в 1990 году: мы с мужем приехали в Австралию по его научной работе. Приехали и увидели... Страну Дельфинию, к которой так стремились наши души! Судьба была к нам милостива: я поступила в аспирантуру в Австралийском национальном университете, это позволило нам остаться...

- ...оставив за спиной все, чем располагали: работу, квартиру, друзей?

- Мы вышли из московской квартиры, полной вещей и книг, и в нее не вернулись. И в Австралии оказались в положении бедных студентов. Муж - доктор исторических наук, в академическом мире России занимал видное положение, я - научный сотрудник Института востоковедения, так что в материальном плане наш отъезд стал резким скачком вниз. Но я была счастлива, что живу в стране, о которой мечтала, она стала моим домом, все остальное ерунда. В этом мы с мужем были едины. Австралийские аборигены - давняя тема его научных изысканий. Бывший фронтовик, он после войны учился в МГУ, в 1949 году, на последнем курсе, был арестован и посажен в лагерь, там ему в руки попала книга об аборигенах Австралии, другие книги о первобытной культуре, и он родителям писал: «Если выживу и выйду на волю, хочу посвятить себя изучению истоков духовной культуры первобытного общества».

- За что его посадили?

- Были три друга: Владимир Кабо, Юрий Брегель и Сергей Хмельницкий. Этот третий завел разговор о создании некоей конспиративной группы с неясными целями. Кабо и Брегель отказались. Но они не знали, что Хмельницкий работает на «органы» и, значит, участь их решена. Обоих арестовали, обвинили в попытке создания антисоветской организации, дали по 10 лет лагерей общего режима, через 5 лет, уже после смерти Сталина, освободили с формулировкой «За отсутствием события преступления» (не состава, а самого события!), восстановили в университете. Владимир еще в ходе допросов понял, что их арест - «заслуга» Хмельницкого, и решил его разоблачить. Они с Брегелем написали в адрес Института истории культуры, где Хмельницкий в то время работал и должен был защищать кандидатскую диссертацию, заявление: этот человек - стукач и провокатор КГБ, он посадил двоих друзей. Заявление было зачитано на Ученом совете, и хотя защита диссертации все же состоялась, от Хмельницкого порядочные люди отвернулись, и ему пришлось уехать в Среднюю Азию.

- До вашего совместного отъезда в Австралию муж там бывал?

- Он был невыезженным: еврей и не член партии. С таким букетом да-

же речи не могло идти о поездке в капстрану. Научные труды Владимира Кабо знали в Австралии, отсюда ему слали приглашения, готовы были оплатить поездку, но его просто не выпускали.

- Обоих вас туда влекло, не встретиться вы не могли...

- Я составляла библиографию работ на русском языке об Австралии. Библиография включала около 6 тысяч названий, вышла отдельным изданием, работы Владимира Кабо в ней заняли достойное место. На этой почве мы встретились, и когда он предложил мне выйти за него замуж, я согласилась. Ничего не планируя, не просчитывая - просто сделали шаг навстречу друг другу. В этом огромную роль сыграла наша общая любовь к Австралии. Кстати, когда мне было лет 8, я прочитала предисловие Владимира Кабо к книге Эрнеста д'Эрвилы «Приключения доисторического мальчика», от него узнала об австралийских аборигенах...

- Я эту книгу в детстве тоже читал, обложку как сейчас помню: мальчик в звериных шкурах, на фоне костра. Так у вас с мужем, должно быть, солидная разница в возрасте...

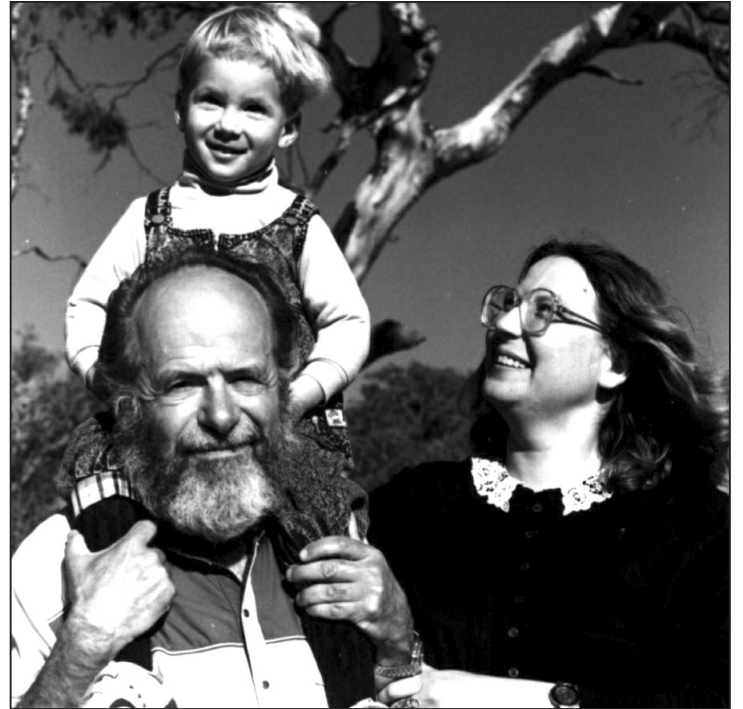
- Огромная разница, в том-то и дело! Мне вокруг говорили: что ты делаешь, ты с ним не проживешь и годела!.. Но мы счастливо прожили 26 лет, до самой его смерти, несмотря на то, что принадлежали к разным поколениям. Свое лучшее, неформальное образование я получила благодаря тому, что мы вместе обсуждали то, что он писал, его идеи, потом мои идеи.

- Он написал несколько книг об аборигенах Австралии. Чем его привлекла эта тема?

- Истоками формирования человеческого общества. По выходе на свободу он осмыслил это в очерке «Структура лагеря и архетипы сознания». Лагерь - не просто противостояние между заключенными и надсмотрщиками, внутри самих эзков существует социальное расслоение, первичные ячейки: воры в законе, суки, работяги. Нечто похожее Владимир увидел у аборигенов.

- Лагерные эски - и аборигены. Обидная параллель. Другого варианта для сравнения не нашлось?

- Это не параллель, а прием, помогающий понять, что происходит с человеческим обществом в экстремальных условиях, как оно самоорганизуется, благодаря каким механизмам социальной и духовной адаптации выживает. Не случайно, вернувшись после лагеря в университет, муж выбрал своей специализацией этнографию. И успешно ею занимался, став признанным этнографом-австраловедом, специалистом по истории и культуре аборигенов Австралии.

- Самы вы, поди, тоже не сидели сложа руки?

- Окончив аспирантуру, я издала несколько книг, одна из них - «Русские анзаки в австралийской истории», о россиянах в австралийской армии в Первой мировой войне, еще одна - о русской экспедиции Крузенштерна на Нуку Хива в 1804 году. Общее определение моих работ: Cross Cultural Studies, межкультурные пересечения между россиянами и жителями Австралии и Океании. Пять лет назад муж умер, в моей жизни наступил тяжелый период, но сейчас я возвращаюсь к активной научной работе. С моим коллегой Крисом Баллардом мы получили грант на изучение наследия Николая Николаевича Миклухо-Маклая. Идем по его следам: Меланезия, Новая Гвинея; встречаемся с людьми в деревнях, где он останавливался и делал рисунки. Рисовал удивительно точно: лица, дома, строения, домашняя утварь, ритуальные предметы. Готовимся к экспедиции на южный берег Новой Гвинеи, в районе залива Худ, где Миклухо-Маклай побывал в начале 1880-х годов. С группой музейных работников из Кембриджа я участвую в розыске коллекции артефактов с Маркизских островов, собранных в ходе первого кругосветного плавания экспедицией Крузенштерна. На проекте «Из Австралии в ГУЛАГ» я работаю с другим моим коллегой, славистом Кевином Уиндлом: истории людей, которые после эмиграции в Австралию вернулись в СССР и стали жертвами сталинских репрессий. Часть таких историй мы уже опубликовали. Продолжаем собирать новые.

- Многие ли из того, о чем вы мечтали, сбылось?

- Да, пожалуй, все у меня сбылось. Мечта увидеть Австралию, и мечта встретить мужа - друга и единомышленника. Вырастить сына - тоже была мечта. Сын у нас родился, мы назвали его Рафаилом, в честь дедушки с отцовской стороны, видного ученого, специалиста в области экономической географии. Сыну 22 года, в университете получил степень бакалавра, уехал на год в Англию, сейчас вернулся к учебе, пишет работу по психогеографии, это область на стыке литературы, социологии, истории, психологии. Пишет стихи современного направления, slam poetry. Свободно и с удовольствием говорит по-русски.

- Ваша с мужем заслуга?

- Известная проблема: эмигранты из России отдают ребенка в детский сад, там он быстро переключается на английский язык. К счастью, мы с мужем первые годы были на-

столько бедны, что не могли оплатить даже один час пребывания сына в детском саду, и до пяти лет он был с нами. Мы с ним говорили по-русски не только о мультфильмах, но о культуре, истории и религии, о динозаврах и теории относительности. Все это сработало. После смерти мужа сын - мой главный русский собеседник. Серьезно занявшись историей нашей семьи, я уже нашла для сына 240 его прямых предков по обеим родительским линиям. Разобрала архив семьи Владимира Кабо, в частности, переписку его родителей в 1912 - 1913 годах, когда они были разлучены и каждый день писали друг другу письма странички по четыре, это удивительный документ эпохи. Другая группа документов - письма моей мамы. Через два месяца после ареста деда, Артема Веселого, арестовали бабушку, а детей разделили и отправили в детские дома (к счастью, потом они сумели воссоединиться). Все девять лет, что бабушка была в лагере, моя мама писала ей письма. Бабушка вышла на свободу - мама, уже студенткой, опять писала, поддерживала ее морально. Но и через 30, и через 40 лет после лагеря бабушка не могла о нем вспоминать, не заплакав. Через мамини письма, через бабушкин дневник я пытаюсь постичь - как тяжело пришлось людям, которые, в отличие от нас, не могли выбрать другую страну, другой политический режим...

- Австралия - та самая другая страна с другим режимом, какую стоило выбрать?

- Знаете, я с такой меркой не подхожу - стоило или нет, Австралию принимаю, какой бы она ни была и что бы в ней ни происходило. Мне легко и радостно здесь жить, я знаю, что это моя страна, я за нее отвечаю. У нас правительство, которое мы активно критикуем, и мой сын участвует в студенческих протестах, потому что это его страна, он хочет изменить ее к лучшему.

- Люди, которые сюда эмигрируют из России, разделяют ваше мнение?

- Кое-кто из них бывает разочарован: здесь нет культа фирменных товаров, нельзя купить многое из того, что есть в богатой нефтью России. В этом смысле мы провинция. Тем, кто уезжает из России, чтобы просто куда-то приехать, здесь бывает трудно привыкнуть: Австралия - это не Америка, но и не Европа, в ней хорошо жить каждому, кто ее принимает, знает и любит...

Валерий САНДЛЕР.